

The book cover features a stylized illustration with a high-contrast, posterized color palette. The background is a deep orange-red. In the center, a man in a red tunic and a brown flat cap looks directly at the viewer with a serious expression, his hand near his mouth. To his left, a young man in a brown jacket and cap looks off to the side. To his right, a woman in a green military-style uniform with a blue belt and a blue cap with a star looks forward. The scene is set in a street with trees and buildings in the background. Numerous white doves are flying across the sky, and several white diagonal lines crisscross the entire image. The title is written in large, bold, white Cyrillic letters across the middle, and the author's name is at the top. The genre is specified in a black box at the bottom.

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

**САМЫЙ
ПРИМЕТНЫЙ
УБИЙЦА**

ПОСЛЕВОЕННЫЙ
КРИМИНАЛЬНЫЙ
РОМАН

Короли городских окраин.
Послевоенный криминальный роман

Валерий Шарапов
Самый приметный убийца

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шарапов В. Г.

Самый приметный убийца / В. Г. Шарапов — «Эксмо»,
2023 — (Короли городских окраин. Послевоенный криминальный
роман)

ISBN 978-5-04-181546-2

Атмосфера становления послевоенного поколения, близкая многим читателям, когда пьянит дух молодости и свободы. Когда от «все можно» до «стой, стрелять буду» — один шаг. Криминальные романы о времени, память о котором до сих пор трепетно хранится во многих семьях. Персонажи, похожие на культовые образы фильма «Прощай, шпана замоскворецкая».

В подмосковном лесу недалеко от железнодорожной платформы найдена мертвая женщина. Грабители сняли с нее одежду, украли деньги и ценности. По роковой случайности эту женщину, еще живой, видел Колька Пожарский, ожидавший электричку. Заметил он и того, кто перед самым прибытием поезда обратился к будущей жертве... Колька долго не решался сообщить об этом оперуполномоченному лейтенанту Акимову, надеясь вместе со своими сверстниками самостоятельно вычислить преступника. Но силы оказались неравными. Свою ошибку Колька понял только тогда, когда оказался на мушке хладнокровного убийцы...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-181546-2

© Шарапов В. Г., 2023

© Эксмо, 2023

Валерий Шарапов

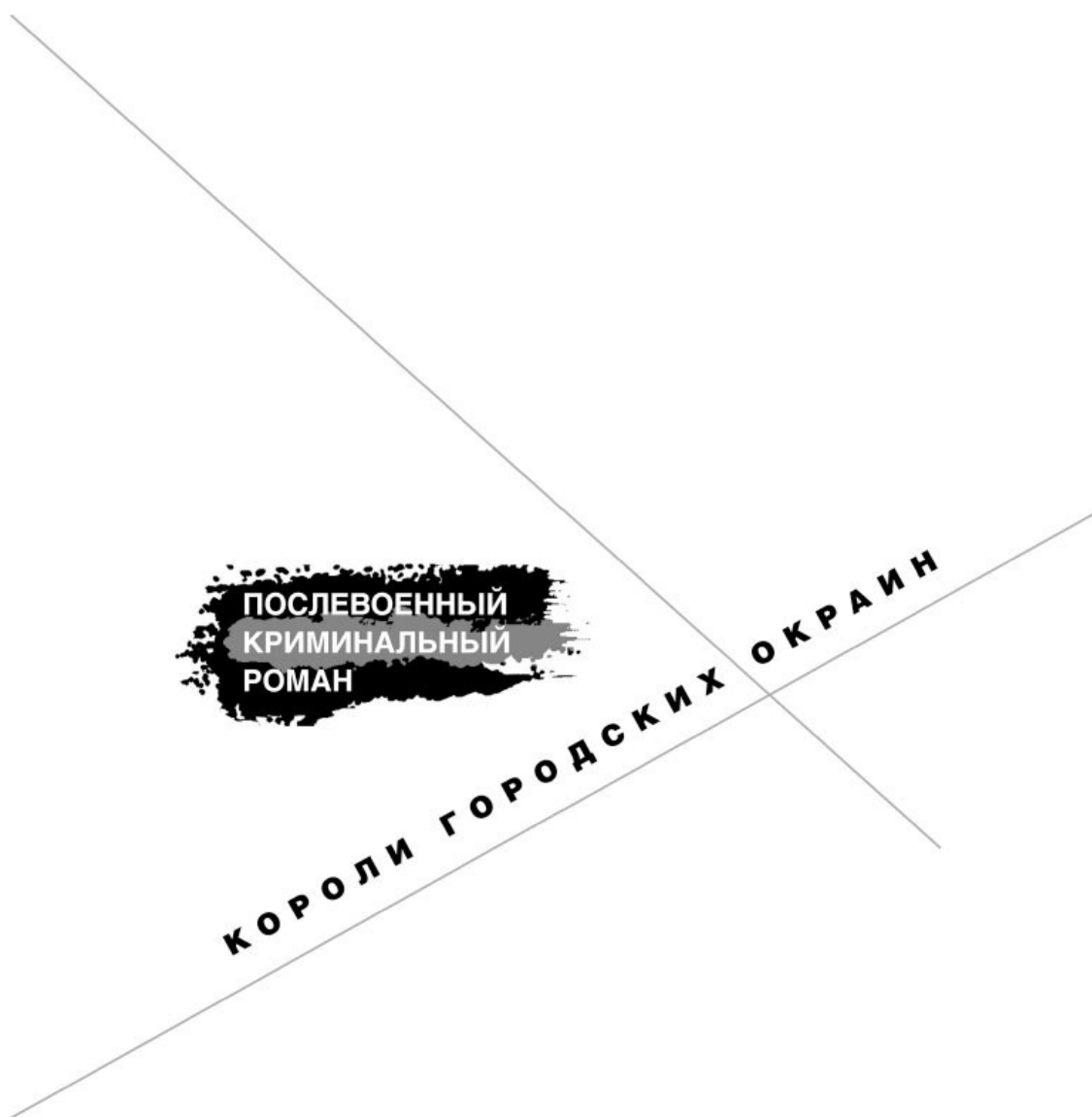
Самый приметный убийца

Художник – Алексей Дурасов

© Шарапов В., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

«Как же я устала – как собака. Как стая собак. Ненавижу всех, чтоб им всем передохнуть! А мне б отдохнуть, поспать. Я – чайка... С ума схожу. Спасибо, мамаша, за вашу заботу: что за работа такая – актерка, чужие мужики лапать будут, а вот медичка – профессия чистая... Прошу покорно сюда, на экскурсию. Кровь, кости, ошметки, месиво, стоны, ругань... оторванные конечности, вырванные челюсти, распоротые животы – зачем мне это все? Не могу больше, голова кружится, вот упаду сейчас и умру. Сколько на ногах уже – тысячу часов, целый век!»

Ее потрепали по плечу:

– Лизаветка, слышишь? В шоковой палате нет никого.

– Угу...

– Когда поступят – неизвестно, там уже застлано, ложись, поспи немножко.

Передвигаясь по стеночке, достигла-таки шоковой палаты, плача от радости, упала на свежую застеленную кровать...

...И очнулась, ощутив на себе чей-то взгляд. Кто-то смотрит. На фронте который год, а теперь вот от страха не смела сразу веки поднять. Когда же решилась, то на нее в упор уставились мертвые, зрачки с иголочку, глаза, а над самым ее лбом нависает плетью чужая, синеватая уже рука.

Заверещав без голоса, вслепую бросилась в дверь, в коридор, и, как шар бильярдный, отлетела, срикошетив от медной грудины. Сверху спросили:

– Мелкая, ты чего?

Он поднял ее одной левой – правая, перетянутая бурым бинтом, была к тому же загипсована, – поставил на ноги, встряхнул как куклу. И, наклонившись, попытался заглянуть в лицо – в себе ли медработник?

Глаза раскосые, скулы острые, нос уточкой. Лизавета аж задохнулась: неужели он? В памяти запрыгали цветные, далекие, счастливые кадры – пионерлагерь в Крыму, вдоволь перловки с тушенкой, волейбольные баталии с хитрыми кручеными на третью линию. А вечером снова будет костер, музыка, пять дымных факельных огней.

В тот раз тяжелый, непослушный огненный заряд никак не хотел подниматься к небу – метался, заблудившись между сучьев, сложенных в виде пятиконечной звезды. И тогда именно вот этот, теперь однорукий, а тогда ловкий – у него вечно что-то вылетало из рукавов, то леденцы, то сигареты, а то и бутылочка крымского, – как повелитель стихий, взмахнул рукой. И, как по волшебству, вырвался из этой руки огонь – и, загудев, взмыл к небесам огненный вихрь. Корчились, трещали сучья, искры фонтанами устремлялись в чернильное небо, стало ярко и так жарко, что Лиза невольно отпрянула назад.

Как и сейчас. Только теперь он крепко держал ее.

– Валька?

Он сам узнал, и на осунувшейся, пусть и по-прежнему наглой, морде проступило обидное разочарование:

– Лизочек, надо же. Не узнать тебя... а где же веснушки мои любимые?

Надо было бы ответить грубо, поставить на место, но в это время грохнула дверь, послышались тяжелая слоновья поступь и львиный рык главного хирурга:

– Лизаветка! А ну к ноге!

Она съезжилась. Валька спросил, загораживая собой:

– Натворила чего?

Она пролепетала, тараща на него черные глазища:

– Я – ничего... нет, я...

А по коридору все ближе и ужаснее раскаты:

– Что творится в госпитале?! Фрицы не добились – соплюха добьет, целого капитана! Ну, а ты, разведчик, так твою растак! Дура вякнула, а ты – и под козырек!

Лизавета поняла, что сейчас погибнет, думала лишь о том, как именно: больно или нет. Но Валька уже втолкнул ее обратно в палату к мертвецам, закрыл дверь и привалился к ней с самым отсутствующим видом.

Грозовой тучей выплыл из-за поворота главный хирург, с огромной лысой головой, пускающая толстых зайцев сильными окулярами на красном носу. Он волок добычу: хромого на костылях, с перевязанной головой, тот покорно болтался в могучих руках и на вопли не отвечал, ибо в зубах у него был зажат букет сочных нахальных болотных цветов.

– Поперся на нейтральную полосу ботанику собирать. Где эта дрянь черношарая? Выпорю!

Процессия миновала, скрылась за углом. Валька, дождавшись, пока стихнет, приоткрыл дверь, спросил делано добродушно:

– Хахаль твой, что ли?

– Не было ничего. Это он сам, – немедленно отеклась она, клацая зубами.

Не то чтобы она все еще боялась покойников, но там было слишком много тех – шоковых, тяжелых, которых еще живыми уложили вокруг нее, спящей, а они – возьми да умри.

Валька быстро огляделся. В коридоре было пусто и необычно тихо, как всегда после криков главного.

– Все бы командовать да организовывать, ты мой вожачок. Неугомонная, – шепнул он, притирая ее к стенке.

– Глаза выцапаю, – пообещала она зачарованно.

– За что? – искренне удивился Валька.

Очень кстати появилась в коридоре операционная сестра, был повод на нее наброситься:

– Ну, что не разбудили-то меня?

Та огрызнулась:

– Да не до тебя тут было. Выпалась?

– Нет.

– Вот и иди к главному, он разбудит. Жаждет тебе перцу всыпать. Сам найдет – хуже будет. Козырев, вы куда-то шли? Вот и идите. Вас ждут уже.

– Кто это? Зачем? Я же обсказал все! Перчатку заело, замком палец отрубил...

– Это вы не мне, это вы там объясняйте. Идите-идите. Сами найдут – вам же хуже... я это говорила уже? Да. В общем, салют обоим.

Обреченно следуя на громовые раскаты, Лизавета не выдержала и оглянулась: Валька стоял, глядя липко, неотрывно – точь-в-точь упырь вслед добыче, ускользающей, но ненадолго. Скалясь, здоровой рукой изобразил пионерский салют.

* * *

Ах, какой апрель выдался в этом году! Веселый, радостный, лохматый, шумел себе свежераспустившейся листвой, свистел солнечным ветром. И довольный Колька, подставляя солнцу улыбающуюся физиономию, советовал Оле следующее:

– Организуй тайное общество помогальщиков.

Она оборвала поток жалоб и негодований и некоторое время лишь смотрела подозрительно. Потом, осознав сказанное, принялась подбирать подходящие цензурные выражения.

Колька, стянув гимнастерку и майку, нежился на лавочке, загорая, всем довольный и умиротворенный. Картина невыносимая для девушки, у которой ну ничего, решительно ничегошеньки не получается!

Оля притопнула и задала основной вопрос:

– Пожарский, ты перегрелся?

Он точно ожидал – парировал беспронизышно:

– Отвергаешь – предлагай. Для начала скажи толком, что не так в моей идее.

Оля открыла рот и – тут же закрыла его. С предложениями и внятыми тезисами было того... сложновато. Уж больно резко и внезапно это все стряслось.

Олю не просто рекомендовали в ВЛКСМ, ее и приняли, и вручили билет – молниеносно, презрев все «но» и «однако», равно как и воспоминания о темном прошлом.

Это было очень подозрительно и, как немедленно выяснилось, неспроста. Вот она, часть дьявольского плана Лидии Михайловны! Верная своей генеральной линии – делать все, чтобы

никому жизнь медом не казалась, – она внезапно собралась замуж, а затем и в декрет (злые языки утверждали, что последовательность была обратной). А перед этим задействовала все свои змеиные ресурсы, для того чтобы кандидатура Гладковой – всезнайки и в каждой бочке затычки – рассматривалась как единственно возможная следующая пионервожатая дружины школы № 273.

Она-то и рекомендовала Олю к приему в комсомол, да еще и в экстренном порядке.

Таким образом, в апрельском небе для Оли гроыхнуло сразу два грома: она теперь член ВЛКСМ и судьба ей теперь – пасти молодняк в статусе старшей пионервожатой. Она откровенно запаниковала, струсила и даже попыталась отказаться, но ее быстро поставили на место: не время бояться, товарищ, утрите нюни и извольте воспитывать подрастающее поколение.

И ни у кого не находилось ни капли сочувствия. Даже добрейший директор Петр Николаевич был сух и непреклонен:

– Гладкова, на обочине переждать желаешь?

Оля, радостно зацепившись за повод, немедленно обиделась:

– Да как вам не стыдно! Я...

– А «я» – вообще последняя буква алфавита, – оборвал ее директор. – Вот лучше напомни-ка мне, что в постановлении ЦК комсомола сказано по этому поводу? Специально для таких ренегатов?

Оля прекрасно помнила, о чем речь: за военные годы комсомольские организации забросили руководство пионерской работой, ЦК резко осуждает, ЦК требует решительного улучшения. Спорить никто не собирался.

– И что?

– Сказано, да не тебе? – въедливо спросил директор.

Оля немедленно сникла и завяла, чуть не проскулила:

– Не готовая я, Петр Николаевич...

Он только ладонью прихлопнул ее возражения:

– У нас в дружине всего четыре отряда по восемь звеньев. Ты – вся из себя такая боевая и с такой-то малостью не в состоянии справиться? Не верю.

– Одна?

– Зачем одна? Вот сядь, посиди, подумай, наметь кандидатуры вожаков, выбери знакомых, надежных людей и – вперед.

– Опыта у меня нет...

Директор явно потерял терпение:

– А я вот, представь себе, тоже никакого опыта не имел, когда в этот кабинет попал! И в твоём возрасте думать не думал, что буду учить вот таких упрямых, как ты, Оля! Знать, кто на что готов изначально – никакого прогресса бы не было! И потом, поправь, ты ведь в педагогический собираешься?

– Собираюсь.

– Вот и пора перестать собираться. Считай, что это подготовительные курсы, а то и рабфак. Когда с живыми людьми работаешь, быстрее вникаешь, многих ошибок избежишь, можешь мне поверить. Нужно будет содействие – обращайся, – пошутил он напоследок и выставил вон.

Что оставалось бедной Оле делать? А ничего.

– Надо – значит, надо, – вздыхала она, – будем трудиться каждый на своем месте, куда страна посылает.

Антонина Михайловна поддакивала: «Правильно, правильно...», Игорь Пантелеевич тоже поддерживал, правда, как с удивлением заметил Колька, в усах его хитрой кошкой блуждала улыбка.

Когда женщины ушли охат на кухню, батя то ли в шутку, то ли всерьез стал увещевать сына ни в коем случае не упускать из рук «эдакий брильянт», а то по нынешним временам терпение и смирение – товар дефицитный, а для семейной жизни – просто бесценный.

– Ну тебя, – краснея, отмахнулся Колька.

Но – шутки в сторону. Оле на полном серьезе приходилось несладко. За время владычества Мидии (она же Лимиха, она же ВэШэ, Ведьма Школьная) необходимый дружине боевой настрой сменялся целым комплектом самых странных вещей. Тут было все – от недоумения через безнадегу к черному юмору, а то и сарказму и явному саботажу. Доходило до того, что призывы к пионерской сознательности и активности сопровождались откровенно кривыми ухмылками, которые на детских мордах выглядели... ну просто отвратительно.

Стиснув зубы и потеряв руки, Оля принялась за подбор кадров. Истек первый час работы. Она поняла, что совершенно не разбирается в людях. Второй час миновал. Оля до слез жалела маму: ей-то всем этим придется заниматься до самой пенсии, а то и дольше...

Ну, а как тут решить, кто на что способен? На кого положиться? Как можно ручаться за кого-то, полагаться на человека, когда сам за себя поручиться не в состоянии! Третий час промелькнул, махнув хвостом: имена и фамилии прыгали перед глазами, как резвые козы, она уже вообще начала сомневаться в том, что знает этих людей.

Терпение лопнуло на пятом часу. Разозлившись, Оля практически «от фонаря» расставила на руководство тех, кого знала, и одного, которого не знала вовсе. Выбрала пальцем в небо, наугад, и завалилась спать.

Полночи показывали черную черноту, вторую половину – мрак и туман. Но наутро Оля проснулась, преисполненная самой нерушимой решимости.

И вот, на первой же линейке, вышла на расстрел перед строем суровая Оля – в белой рубашке, с тремя начальственными полосками на рукаве. И, надсаживаясь с непривычки, зачитала первый свой приказ:

– Начальником штаба отряда номер один назначаю... Виктора Маслова! Пионер Маслов! Принять отряд!

– ...отряда номер два – Александра Приходько! Пионер Приходько, принять отряд!

– ...отряд номер три – Светлану Приходько.

– ...отряд номер четыре – Анастасию Иванову.

Ага! Зашевелилось болото! И ужасно, и превесело было смотреть на испуганные выражения на лицах этих вот малолетних негодяев. Только что стояли, насмешливо, с ленцой изображая маршировку, вальяжно скидывая ручонки в кривых, вялых салютах – и вдруг – на тебе, пыльным мешком по голове. Аж животы повтягивали.

«А плевать! – злобно подумала Оля. – Походите теперь в моих ботиночках! Вот вам четкая расстановка! И только попробуйте не привнести в жизнь отрядов боевой дух!»

На удивление, первое время так и получилось.

Ребята, а тем более девчонки, облеченные доверием и какой-никакой властью, демонстрировали редкую активность. Общими усилиями привели в порядок пионерскую комнату, которая до того имела вид невеселый: колченогие стулья, облупленный стол, на окошке – покойник-фикус и барабан без палочек. Украсили стены лозунгами, плакатами, повесили доску объявлений, запустили даже «боевой листок».

Неопытная Оля преждевременно воспряла духом. А как же, все шло как по писаному: собирались штабы дружины, серьезно, по-взрослому, обсуждали газеты, хмурия брови анализировали обстановку в мире. Вдумчиво, неформально подбирали строевые песни, без труда соглашались и организовывались на строевые походы по улице под барабан.

Беда заключалась в том, что в какой-то момент Оля утратила бдительность. Или не совсем правильно поняла мысль о том, что старший вожатый – не нянька. Она вдруг вообразила, что лица, облеченные властью, вполне созрели для самостоятельности и способны сами

что-нибудь предложить. Ну хотя бы на уровне отрядов, звеньев... надо же своим умом когда-то начинать. И потом, все они там друзья-подружки, поймут, что им сто́ит.

Вот пусть вожаки обдумают, предложат, а то на все готовенькое!

И вот именно тут получилось точь-в-точь как на плавуне озерном: делаешь широкий гордый шаг на ровненькую распрекрасную зеленую лужайку, а под ногой пустота и не на что опереться.

Тупые оказались вожаки, в пустых их тыковках не было ничего, никаких своих идей. И, что самое противное, не желали они отвечать ни за кого, кроме себя! Когда же их начинали принуждать к самостоятельному думанью и требовали инициативы, то все они – от мелкой Ивановой до тринадцатилетнего Маслова – прибегали к взрослому, бесспорному саботажу. Уличенные в этом грехе, скандалили, огрызались и замыкались в гордом молчании.

Характер у Оли присутствовал, упорства было – не занимать. И все-таки совершенно очевидно было, что она на грани отчаянья.

Она и сама это признавала, пусть даже и по секрету:

– Я понимаю, о чем ты думаешь!

– Серьезно? – удивился Колька, который вообще ни о чем не думал.

– Да, – заверила Оля, – что на Лидию можно было плевать, она постоянно чепуху несла.

– Ах, это... да-да.

– ...да. Но ведь она все-таки старшая, пусть и дура набитая, и по-своему пыталась решать воспитательные задачи. Нельзя же так откровенно плевать на взрослых!

Тут Колька не удержался:

– И что, взрослые правы уже в силу того, что они – взрослые?

Оля твердо заявила, что в данном случае именно поэтому:

– ...и потому еще, что это не просто взрослый, а пионервожатая, лицо с доверием государства. Ясно?

«Мощно развернула, впечатляет», – признал Колька и счел за благо не настаивать.

В отличие от него самого, Оля субординацию понимала хорошо, пусть и по-своему. Сама же порой Лидию изводила... хотя всегда с почтением, и за рамки не выступала.

– Что, не права я? – требовательно спросила Оля, наблюдавшая за ним.

Коля немедленно отозвался:

– Да нет, наверное, права. Уважение должно быть, понимание и все такое. Особенно если человек в мундире, то есть при власти.

– Конечно! И с полномочиями! И тебе вот говорят, как взрослому, как сам ты давеча верно отметил: отвергаешь – предложи! А эти только носами вертят: все у вас не так, не по-людски, а как надо – не знаем. Ничего себе, штабисты отрядные, не дружина, а...

Она задумалась, подбирая слово.

– Шайка? – предложил вариант Колька.

Оля почему-то заупрямилась:

– Ну не так же сразу. Но ничего хорошего, это точно. А там и до беды недалеко.

Вот тогда-то и прозвучало Колькино предложение:

– Тогда займи их важным делом. Организуй тайное общество помогальщиков.

* * *

Идея эта возникла не на ровном месте. Как-то днем, дожидаясь электрички до дома, сидел себе Колька на вокзале и случайно увидел занятную картинку. По платформе фланировал туда-сюда хорошо одетый, в теле, гражданин, почитывая толстый журнал под названием «Новый мир». За гражданином, делая вид, что прогуливается и вообще ни при чем, по пятам следовал лопухий пацан лет десяти, довольно бандитского облика. Костистая угрюмая физио-

номия, жесткая, косо подрезанная челка, острые, торчком, уши, куртка, чуть не вдвое обернутая вокруг тощего тела. В карманах – явно не конфеты, скорее всего, «перышко».

Колька, в свою очередь делая вид, что просто завязывает шнурки, внимательно наблюдал за движениями мелкого. А тот, как привязанный, хвостом следовал за толстяком, держа руки в карманах – пока еще своих.

«Как глупо пасет, гаденыш. Ты глянь, даже не прячется особо. Пацан или ничего не понимает, или совсем дурачок. Слышь, жирный, ты далеко-то не уходи, неохота скарб бросать без присмотра».

Толстый гражданин, точно услышав беззвучный призыв, прошел мимо Колькиной скамейки, потом, развернувшись, пошел обратно, прошел еще шагов сто, снова повернулся. Пацан ходил за ним по пятам. Во время очередного «рейса» Колька хорошо разглядел его физиономию – веснушчатую, со вздернутым носом.

«Куда ж ты лезешь, дурилка? Все же как на ладони. Я тебя вижу, значит, и другие видят», – Колька быстро и незаметно огляделся. На платформе, помимо них, было человека три, и те далеко.

Послышался гудок приближающегося поезда. Гражданин оторвался от чтения, аккуратно прикрыл журнал; пацан немедленно отвернулся, как бы любуясь воронами. Колька невзначай пристроился за этой парой и терпеливо поджидал готовящееся случиться очень скоро событие.

«Сейчас придет поезд, жирный войдет в тамбур, пацан тиснется за ним. У меня будет пара шагов от двери до двери».

Переваливаясь и отдуваясь, прибыл и остановился состав. Гражданин величественно шагнул в тамбур, мальчишка व्यюном юркнул за ним. Колька, уже не сомневаясь, прыгнул, «оступился» и упал, свалившись прямехонько на мальчика. Тот возмущенно завозился под Колькой, который нарочито неуклюже ворочался на мальце, охая, невнятно извиняясь, но никак не желая слезать.

Толстяк повернулся, с высокомерным недоумением спросил:

– Юноша, вам помочь?

– Нет-нет, благодарствуйте, – степенно отозвался Колька.

Гражданин прошел внутрь, было видно, как он устраивается у окошка и снова достает свой журнал. Колька наконец поднялся и потянул пацана за собой.

– Что же ты делаешь, щегол? – негромко спросил он, для верности встряхивая воришку за шиворот. – Совсем одичал?

Тот, нисколько не испугавшись, огрызнулся:

– Сам дурак. Я этому кнуру толстому хотел лопатник вернуть. Выронил, растяпа жирный.

И в самом деле, сунув руку в карман, показал округлый бумажник, явно не пустой. Колька строго спросил:

– А по сопатке? Ты кому втираешь?

– Ничего я не... – Он полез за платком. – Ну век свободы не видать, – побожился малец, чиркнув пальцем по шее.

Колька пылливо взгляделся в рассерженные, но честные глаза и засмутился.

– А чего же не отдал просто так? Чего шифруешься?

– Доброе дело решил сделать, – угрюмо пояснил малец, – втихую. И чтоб на меня не подумал. Отпусти ворот. Оторвешь – маманя по шее надает.

– Смотри-ка, прямо тимуровец, – маскируя свою неловкость, ответил Колька, – тогда пошли вместе отдадим.

Пацан пожал худыми плечами.

Зашли в вагон. Гражданин, пристроившись против ходу (неинтересно ему смотреть в окно было), почитывал свой «Новый мир». Колька деликатно кашлянул. Пассажир, глянув на пацанов с благожелательным недоумением, ободрил:

– Слушаю вас, молодые люди.

Колька протянул бумажник:

– Вы выронили, гражданин.

Дядька, подняв брови, похлопал себя по карману:

– И в самом деле. Благодарю вас. – Он взял бумажник и, даже не проверив его, спрятал за пазуху.

– Вы бы пересчитали, – напомнил пацан.

– Ничего страшного, я вам верю, – как-то двусмысленно улыбаясь, отозвался гражданин.

На этом и разошлись. Ребята направились обратно в тамбур. Новый Колькин знакомый, стреляя у него папиросу, проворчал:

– Видал, богач какой. Хоть бы пересчитал для порядка.

– Тебе-то что? Отдал – чего завидуешь? – назидательно заметил Колька. – За собой смотри, а то наносит тут добро направо-налево. Так и доиграться недолго.

– Ясное дело, – буркнул тот.

На том и разошлись.

* * *

Эта история всплыла в нужное время, теперь, выслушав очередную порцию Олиного нытья и сочувственно покивав, Колька и выдал свое предложение. Оля осведомилась, в своем ли он уме, на что он ответил:

– Но если тебе больше нравится ныть и утираться ладошками, я могу и промолчать.

– Тогда продолжай.

– Да все просто на самом деле.

Колька подобрал палочку и принялся выводить на песке черточки – одну, вторую и так – до четвертой.

– Дано: куча салаг воображают себя взрослыми, бесятся с лишних калорий и от безделья...

Ольга прыснула, но согласно кивнула. В самом деле, сейчас по сравнению с тем же сорок седьмым лопаемся с жиру, да еще как!

– И что в итоге? – спросил требовательно Колька.

– Что? – с интересом отозвалась она.

– А то. Самим что-то полезное придумать – кишка тонка. А надоумить их – ни-ни! Только почувствуют, что кто-то ими руководит – сразу на дыбы, потому как взрослые. Верно?

– Тебе виднее.

Колька не обратил внимания на бабские шпильки.

– Нам же, как ты понимаешь, надо, чтобы они выполняли то, что нужно по программе воспитания.

Он начертил толстую, как на картах, стрелу и направил ее на прямую черту, из-за которой расходились веером другие черточки.

– Это что, солнце?

– Светлое будущее.

– Похоже.

– Тем лучше. Всем вместе туда идти надо, но на пути – препятствия. – Колька провел между черточками и «светлым будущим» зигзагообразную линию.

– И что это? Минные поля?

– Ленъ, тупость и упрямство, – пояснил он с укоризной, – но на то ты и педагог, чтобы недуг в подвиг превратить. Поэтому надо нагрузить их работой – так чтобы не было времени нос утереть. Тупость заменить смекалкой, а упрямство – настойчивостью. А как это сделать?

Колька начертил вопросительный знак.

– И как же? – озадаченно осведомилась будущий педагог Гладкова.

– Как и всегда! – Колька победоносно вывел восклицательный знак, а потом заключил все черточки в единый «пузырь». – С помощью общей идеи.

Оля, с уважением глядя на живопись, все-таки высказала сомнение:

– Ну, допустим. Но у нас уже есть идея пионерской организации. Мало? Или чем не нравится?

– Ты свой прищур убери и не задирайся, а то сейчас этой вот розгой, – пообещал он. – Идея прекрасная, но надо ее развивать. Беда в том, что были перегибы прежнего руководства...

– А ты диалектик.

Колька вежливо замолчал, дождался продолжения, уточнил, будет ли оно. И, получив ответ, что нет, продолжил:

– Тут расчет на детский нрав. Любят они секретники и не любят, когда им указывают, что делать. Так?

Она кивнула.

– Объяви субботник. Многие придут без нытья и отговорок?

– Многие – не многие, но придут. Наверное.

– Во-от. А надо, чтобы шли все, добровольно и с песней, – заявил Колька, отбрасывая веточку, – и чтобы распоследний никчема ощущал, что без него не справятся. Вот, скажем, дровишек бабке старой напилить, если прямо попросить – не факт, что пойдут. Может, бабка та самая давеча этому никчеме по ногам крапивой за то, что куст у нее ободрал?

– Да уж, это трудно преодолеть, – хихикнула Ольга.

Колька, поджав губы, веско возразил:

– Проще простого. Ты скажи лопуху, каким великим будет поступок: она тебя обижает и даже знать не знает, какой ты благородный, как высоко ты над ней, над ее злобой мелкой и застиранными кальсонами...

– Фу.

– Ничего. Так и есть. Вот прямо так и шуруй, зароди в детках веру в то, что они не просто так, а самые исключительные и благородные...

Оля, подумав, заметила, что как-то грубо и не по-пионерски получается. Колька отмахнулся:

– Ерунда. Ты, главное, вслух не произноси, а лишь на сопричастность налегай, подчеркивай. Да что ты, в самом деле, как маленькая!

Оля задумчиво поводила по носу кончиком косы, как пуховкой:

– Вот и я смотрю, идея неплохая, но как-то совсем для малышей. У нас-то лосишки немалые.

Колька хмыкнул, потянулся с аппетитом:

– А что, по-твоему, наигрались они за свое детство? Санька тот же, Светка. Они, может, и рады бы в партизан поиграть, в казаков-разбойников – а им-то куда уж, «лосишки», как ты говоришь. А лосишки-то, может, спят и видят до сих пор, как бы дурью героической помаяться, спасти кого, лучше, конечно, страну. А вроде как не получается. Играть – все, нельзя, ребячество, а до крупного не доросли еще. Не то время.

– Правду говоришь, Пожарский, – кивнула Оля, снова помахав по носу «кисточкой». – А как это все проверить...

– Проще простого. Сначала нужен штаб, причем строго тайный.

– Детский сад.

– Не умничай. Далее – цепочки отрядные, чтобы ясно было, кто за кем заходит в случае тревоги... то есть срочного созыва. Ну, там, система явок-паролей, а то и веревочек навяжем, как у Гайдара.

– Прямо тебе так и дали веревки переводить.

Колька прищурился:

– Во времена Тимура давали? Тебе в книгах все распишут, как же. Что, думаешь, в книжках все правда? Как веревочки протянуть, чтобы они мало того, чтобы во все дома шли, да еще колокольчики у каждого. Да и телефон откуда у Тимура взялся? Главное – идея!

– Снова твоя правда, – согласилась Оля, уже с некоторым благоговением. – А как сигналить, без веревочек да телефона?

– По-другому придумаем, ничего. Голубиной почтой. Или костры будем жечь.

– Сдурел ты совсем? – переполошилась Оля. – Нам голову снимут!

– Шучу я, шучу. Все ты буквально принимаешь. В общем, делать можно все то же самое, что сейчас делаешь, только тайно. Ну, проводишь ты одно собрание, а будет два – одно как положено, а второе – для «своих».

– Это как?

– Вот что у тебя по программе на эту неделю?

– Да много всего. О важности общественной работы, о дружбе с книгой, проработать хулиганье, политинформация, ну, там, повесить внимание к старшим. Пора наверстывать сбор вторсырья... Кстати, о Саньке – скандалит: чего, мол, впахивать бесплатно, если тот же старьевщик чистоганом выложит, – не удержалась, наябедничала Оля, – а ведь начальник штаба отряда. Вот и проводи с таким воспитательную работу.

– По шее? – деловито предложил Колька.

Ольга подавила вздох.

– Не педагогично так.

Она снова вздохнула, но все-таки вставила следующие сомнения:

– Мысль здравая, не нравится идея добро делать тайно. Как-то получается, что заставляешь, используешь их вслепую, что ли...

Пришла пора Кольке прищуриться:

– Это что за разговоры такие контрреволюционные, эсеров-меньшевистские? То есть, по-моему, надо было сначала всех просветить и лишь потом освобождать, а революция подождала бы, пока темное крестьянство освоит азбуку?

Оля даже рот раскрыла:

– Ах ты провокатор! Как не стыдно! Что ты передергиваешь, я совсем не про это!

– В таком случае у меня все, – решительно подвел он черту, поднимаясь и натягивая майку. – Я тебе идею подкинул, а ты, коли такая умная, развивай.

* * *

И снова – очередной штаб пионерской дружины, как и положено, раз в две недели, и снова собрались четыре начштаба и парочка активистов, вожатых отрядов. Оля, чтобы скрыть отвращение, делала вид, будто что-то записывает.

«Школа вожakov! Вожаки, как же, – думала она, кидая исподлобья злые взгляды, – в лучшем случае рыжие собаки да шакалы Табаки, и то никудышные. Тоже мне, отрядные заводилы! Глазища-то какие, слипшиеся и снулые, как после блинов на Масленицу!»

Внешне-то все гладко было. Добросовестная Настя Иванова проводила политинформацию. Толково, пусть и нудно, бубнила про главные задачи внешней политики, про создание прочной системы безопасности в Европе и на Дальнем Востоке, про назначение СЭВ, про пагубную линию Тито. Но слушали разве что Настины подружки, такие же, как она, отличницы и отрядные вожатые. Остальные даже вид не делали, что слушают. Начштабы вызывающе скучали.

Оля вглядывалась в хорошо знакомые лица: «Что с этими людьми? Ведь год назад у них глаза горели, даже когда они спали. Еще месяц назад не люди были – факелы! Как они ловили каждое слово, даже в холода ходили с распахнутыми пальтишками, чтобы галстуки были видны. А теперь это даже не кто, это уже совсем что!»

Светка – маячок, такая неизменно открытая, воодушевленная, всегда готовая мчаться вперед, к подвигам, спасать мир, горбушки таскающая воробьям, – сидит, собрав лицо в кулачок, с выражением кислым, как у сварливой бабки у подъезда.

Психованный Санька, с его огромным добрым сердцем, – почему он теперь, демонстративно откинувшись, чуть не качается на стуле и горестной тряпкой болтается на тощей шее несвежий галстук? И прямо-таки написано у него на лице: «Это вам надо, а мне все до фени».

Наконец Иванова иссякла.

– Спасибо, Настя, садись. Товарищи, вопросы?

Вялая рука поднялась:

– А можно быть свободным?

Этот Витька Маслов. Старше всех, себе на уме, проныра. Глазища-тарелки наглые, с прищуром. Уши лопухами, всегда по ветру – где бы что сгоношить. А ведь всего-то тринадцать! Не раз ловили его на торговле папиросами, и от него самого иной раз пахло табачищем. Врет да оправдывается, что мать посылает, жрать дома нечего, денег в семье нет, а ведь ложь, ложь! Один он в семье остался, мать работает на текстильной фабрике, на хорошем счету, зарабатывает неплохо.

Оля, еле сдерживаясь, спросила:

– Куда ты так торопишься, Витя? Иди-ка сюда, расскажи товарищам.

Маслов, даже не думая подниматься и тем более отдавать положенный салют, начал, по-блатному растягивая слова:

– Тороплюсь, потому что времени жалко. Работать надо, семье помогать, а мы тут вола пинаем. Маршировки, линейки, песни. Сплошной форс.

– Сюда, говорю, иди, – чуть поддав стали в голосе, повторила Оля. О, зашевелился, вышел, хоть и нагло пожав плечами.

– То есть ты, начальник штаба Маслов, смысла в пионерской работе не видишь? – вкрадчиво, по-змеиному уточнила Оля.

От такого предположения его все-таки передернуло, наверное, фантомные явления совести, по старой памяти. Во, чуть губы дрогнули, немного побелели. И все же держится по-прежнему нагло, говорит даже немного снисходительно:

– Игрушки это, для маленьких. Я сразу в комсомол. Я – коммунист.

Тут и Санька вальяжно вскинул два пальца:

– И я. Что мы, в самом деле, железки собираем, шагистикой занимаемся, песни распеваем – что, это главное, что ли? Настоящим делом бы заняться.

«И раз, и два, и три... главное – не разораться», – и Ольга мягко пригласила:

– Делом, говоришь. Хорошо. Подойди-ка сюда.

– Мне и здесь неплохо, – огрызнулся Санька, чуть спав с лица.

– Подойди-подойди, чего боишься? – ласково подначила она.

Расчет оправдался: надувшись лягушкой, Приходько с деланой независимостью, вразвалочку подошел, встал возле Маслова.

– Вот стул, Саша. Садись и сними-ка ботиночки.

– Это зачем еще? – немедленно вскинулся он.

– А что такого? Боишься, что шнурки обратно не завяжешь?

Тут не сдержалась, прыснула Светка. Оля знала страшную тайну: Санька до сих пор путается в пальцах, обувку ему сестра завязывает, но это – под строжайшим секретом.

И снова – в яблочко. Санька, свирепо сопя, уселся и стянул сперва один, потом второй ботинок. По комнате распространился терпкий запахок грязных портянок.

– Обувайся, начальник штаба Приходько. А ты, начальник штаба Маслов, не откажешься рассказать товарищам, что у тебя в карманах?

– Права не имеете, – чуть побледнев, заявил тот.

– А ты чего боишься, что скрываешь? – вежливо удивилась Ольга. – Мы же не обыскивать тебя собираемся. Ты сам, как сознательный вожак, пионер, в порядке советской дисциплины, просто покажи, что у тебя в карманах.

Маслов, демонстративно пожав плечами, подошел к ее столу и принялся опустошать карманы. Заскорузлый платок, бечевка, грузило, какая-то бумажка... шлеп! На пол выскользнула початая пачка папирос.

– О, сигарки чьи-то.

– Подними, – негромко распорядилась Ольга.

– Что? – как ни в чем не бывало спросил Маслов.

– Подними.

– Да не мои это.

– Не смей врать.

Маслов, снова дернув плечами, теперь оскорбленно, повиновался.

В пионерской стало тихо-претихо.

Оля, прищурившись, переводила взгляд с одного лица на другое. Кто-то сразу прятал глаза, кто-то смотрел со святым недоумением – что за муха ее укусила?

– Скажите мне, товарищи, – начала она, – что я вижу перед собой?

Глянула на Маслова и Приходько: они уже совершенно пришли в себя, стояли в вольготных позах, осев на одну ногу, делая вид, что все происходящее их не касается и что ждут они не дождутся, когда все, наконец, закончится.

Оля, глубоко вздохнув, продолжала:

– Что за отбросы? Что за чурки в галстуках? Вы над кем смеетесь, скалите зубки свои плохо чищенные? А, Маслов?

– Что сразу Маслов? – вскинулся тот, но Оля жестом приказала: захлопни рот.

– А знаете ли вы, что вас уже нет? Померли вы уже, разлагаетесь и воняете, слышишь, Маслов? Слышишь, Приходько? Говорить что угодно можно, но все – все! – видели, как несет от вас, ленью и гадостью.

– Чего сразу «несет»? – взвился теперь уже Санька, а Оля, отвернувшись, продолжала:

– Вы иуды, понятно? Даже хуже! Вы клятву давали, и вы ее не исполнили. Это у нас-то только видимость, шагистика, а, Маслов? А почему? Да потому, что на большее ты не годеи. Только на мыло. И ты, Приходько. Это ты – сплошная видимость, бревно, на бревне – тряпка.

Санька инстинктивно вцепился в галстук.

– Тряпка. Пионер – это факел, галстук – огонь! Галстук – это только тогда галстук, когда носящий его живет, как ленинец, дышит, как ленинец. А если вам все до лампочки, зачем вы его носите?

Иванова подняла руку:

– Но все-таки, Оля...

– погоди, Настя, хотя спасибо, что вмешалась. А то тут вот некоторые старшие товарищи говорят, что все у нас враки, а младшие и не возражают?

Названные «товарищи» оскорбленно надулись, но глаза попрытали.

– Давайте на вас посмотрим, вы сами-то не враки? Утром на линейке – вы пионеры, юные ленинцы, на уроках – бараны ленивые, вечером – вертихвостки, шпана да спекулянты. Это ваша жизнь – сплошное вранье. Вы гореть должны, а вы воняете, ясно?

Оля хлопнула по столу, повысила голос:

– Ваш сознательный товарищ Настя битый час втолковывает вам: не время расслабляться! Ничего еще не кончилось, враги кругом, враги лютые, и куда страшнее, чем фашисты. Они стягивают силы, точат зубы, и будет еще не одна война, и лютее этой. Вот завтра уже надо будет показать, из какого теста кто сделан. Что вы покажете, а, Приходько? Портянки грязные да гонор? А ты, Маслов, талант к спекуляции? Вы забыли, что самое дорогое у человека – это жизнь, что дается она лишь раз, и... что?

Иванова подняла руку:

– «Прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое». Надо спешить жить...

– Молодец! А вы куда спешите, Маслов?

Опустили глаза начштабы, и уши у них были, как у обычной шпаны – ярко-красные, огненные.

– На толкучку? Цигарками из ворованного табака торговать? Приходько тоже спешит-торопится, сразу в коммунисты. Ждут его в компартии, плачут: где же товарищ Санька? А товарищ Приходько портянки стирать ленится, с теткой ругается, не то и матерно. И ведь ваши кандидатуры отбирали особо, утверждали с директором, – без особых угрызений совести соврала Оля, – доверились вам...

Тишина висела – плотная, густая, душная.

– Ну, довольно, товарищи. – Оля опять хлопнула по столу.

– Как это? – спросила Светка тоненько.

– А так. Я никого не держу и никого не боюсь. За уши в светлое будущее тоже не потащу – хотите себе врать, вонять мумиями ходячими – ваше право. И галстуки можете снять, вопрос об исключении решим в особом порядке.

– Оля! – тихонько взвизгнула Иванова и тотчас закрыла рот ладошкой.

Ольга, решительно выдвинув подбородок, собирала со стола бумаги, карандаши, записную книжку – дурацкий свой дневник, в который надлежало записывать все наиболее яркое и интересное в жизни дружины, наблюдения, вопросы ребят, разговоры, настроения, – а там были только глупые рисунки и слова в столбик: «Нет смысла. Нет смысла. Нет смысла. Устала. Устала. Пусто. Пусто. Ну и пусть!» Укладывала все это в портфель.

И все-таки, в дверях уже, повернувшись, сказала:

– Кто желает жизнь новую начать, первый шаг к ней сделать – сегодня, после занятий вечерней школы, жду здесь.

– Но как же... – проскулил кто-то.

– Трусы могут не приходить! Кто не трус, того жду. Никто, кроме присутствующих, не должен знать. Пароль: «Будь готов», отзыв: «Всегда готов». Кто опоздает – пеняйте на себя, не пустим.

– Так закрыто же будет, – пискнула Светка, делая большие глаза, – как же?

– Как хотите, – отрезала неузнаваемая Ольга, – считайте это проверкой. У меня все. Свободны.

И, захлопнув дверь, удалилась.

* * *

Расчет был вернейший. Всем было прекрасно известно, как проникнуть в помещение школы. При желании – проще простого: через те же вечно открытые окна уборных на первом этаже. Ни сторожа, ни решеток-ставней на окнах не было и в помине. Единственное по-настоящему ценное – дрова на подтопку, если совсем холодно будет, а трубы рванет, – директор Петр Николаевич хранил особо, за семью печатями в отдельном сарае. Вот там все было по-

серьезному – замки плюс собака. В самом же помещении школы брать было откровенно нечего, стало быть, и охранять незачем.

Спешно призванный на помощь Колька одобрил:

– Толково придумано!

Когда они в четыре руки чертили карту района, чтобы успеть к вечерней тайной сходке, он все не переставал восхищаться:

– Я же сказал: ты сможешь! Твоя идея лучше моей. Орел, Гладкова! Это у тебя с детства, помнишь, ты нас на кладбище потащила? Вот-вот!

Триста лет тому назад, а то и тысячу... до войны, в общем, Ольга, уже тогда любившая всех организовывать и спланировать, решила положить конец детской войнушке двор на двор.

– Бросайте свои подначки и дразнилки, что вы как маленькие! – так и заявила мелкая Гладкова, с двумя косичками и вот такенными щеками – глаз было не видеть.

– Смотри-ка, борзая какая! – поддразнил Илюха Захаров. – Что, сразу поколотить?

Он и тогда был здоровый, да к тому же беспристрастный – заденет девчонка, получит и она. Неудивительно, что у Оли затряслись губы, и все-таки она продолжила:

– Чего зря кулаками тыкать. А вот пошли на кладбище вечером? Кто струсит и не дойдет – тот и проиграл.

– Что проиграл? – поинтересовался Колька, который тогда мог еще носить короткие трусы, особо никого не смущая.

– Все! – решительно заявила девчонка.

– А делать что будем? – спросил Альберт, который обо всем любил уговариваться заранее.

– Картошку печь, – предложил Илюха, потирая пузо.

– Страшные истории рассказывать, – добавила Надька Белоусова.

– Как маленькие, – презрительно фыркнула Оля. – В сторожку гробовщика влезем!

Поразмыслив, собрались пять девчонок и четверо мальчишек. Уговорились, что это страшная тайна, ни одному взрослому – ни-ни, иначе не пустят (вон, Альбертика заперли – враки, сам наверняка струсил). В итоге пришлось прихватить кого-то из мелких, потому что те грозились наябедничать старшим.

Не вечером, конечно, но все же хорошо после обеда, когда уже смеркалось, собрались и пошли на новое кладбище. Чтобы пойти в сторону старого, что за озером и железной дорогой, никто и не заикался.

Мальчишки немедленно принялись дурачиться, подначивали серьезных девчонок, то и дело отбегали якобы до ветру, а сами пугали из-за кустов.

– Детский сад, – фыркала, бледнея, Настя Рыбкина (сгинувшая потом в эвакуации).

– Пи-и-ть! Дайте воды-ы! – завывал не своим голосом, тряся ветки, шутник Вовка Лисин (погибший при бомбежке в сорок первом).

Мальши сами собой оказались в хвосте. Непривычно притихшие, не думавшие ныть и проситься домой, они упрямо семенили вслед за старшими. Но большинство из них, едва покинули знакомые дворы, дружно повернулись и пошагали назад.

Вереница следовала далее. Дорога поднималась, потом опускалась в небольшой овраг, сильнее ощущалась сырость, и сумерки сгущались все больше. Тут начали отваливаться и те, что постарше: отходили поодиночке, стремясь не привлекать внимания, каждый в свое время, на какой-то только им видимой черте. Как будто дальше им было нельзя.

Но и те, что дошли – Оля, Настя, Колька, Илюха и пара отважных малышей, надувшихся, чтобы зареветь, но не заревевших, – остановились.

Перед ними границей пролежала дорога, за которой возвышались густо растущие, нетронутые деревья кладбища. Смотрела пустыми глазницами-окошками давно брошенная сторожка, к стене которой до сих пор были приставлены кресты, деревянные и витые, кованые.

Молчали. Мысль о том, что в таком месте можно болтать, а тем более печь картошку, казалась преступной. Постояв, так и отправились, не евши, назад – тихие, торжественные, в полном молчании. Не решились.

...– Ты за меня тогда спряталась, – вспомнил Колька, обводя контур красными чернилами, – смешная такая.

– От всей компании только и остались, что мы с тобой, Илюха да Надька Белоусова, – зачем-то сказала Оля, орудуя карандашом и линейкой.

Колька понял: пора прекращать:

– А ну, отставить. Я тебе про другое толкую: сработало же! Туда шли кучей нахалов, вернулись почти что боевым отрядом.

Так получилось и в этот раз: пришли все присутствовавшие на историческом штабе дружины плюс те, кого сочли достойным притащить. Сосредоточенно, быстро и бесшумно проникли в закрытое помещение, собрались на тайную сходку, на которой была провозглашена программа тайного общества помогальщиков.

– Строгий секрет, – предупредила Ольга.

– Точно, – поддержал Приходько, – болтунам – петля! – Но, уловив неодобрительный взгляд Оли, поправился: – Ладно, по шее.

– Итак, товарищи, – начала Ольга, строго оглядывая присутствующих, – все вы в школе по пять-шесть часов, но остальное время вы живете среди взрослых, все знаете, все видите, все слышите. Вы думаете над жизнью, вы сами видите, как много еще в ней надо сделать!

Одобрительный гул.

– Быть пионером – это не только носить красный галстук. Быть пионером – это улучшать окружающий мир, постоянно думать над тем, что в нем можно переделать к лучшему!

Ясно звучит готовность помогать, думать, нетерпеливое ерзанье. Оля подняла руку, требуя тишины.

– Мы с вами знаем, как это бывает: в школе пионер, а чуть за порог – и – как с цепи сорвался, лишь бы в кино или побузить. А ведь без нас «большевики не обойдутся», помните? Некоторые из вас пристают к чужим, а то и грабят ребят, запугивают...

– Это кто?! – возмутился Маслов, нервно пряча руки за спину.

– Сами знаете кто. Мы пока не будем на этом останавливаться, ведь не так важно, что ты натворил, куда важнее, как исправился. Внимание на карту.

Оля не без гордости повесила на доску плоды их с Колькой трудов. Повисло благоговейное, восхищенное молчание.

– Сейчас мы с вами разделим зоны влияния, составим график патрулирования. Глядите вокруг себя внимательными глазами, замечайте непорядки и общими силами боритесь с ними. Увидите, что жизнь наша станет куда интереснее!

...В веселой, таинственной кутерьме пронеслись несколько месяцев – как не бывало. Тем более что единого штаба не было, потому что в районе за последнее время отыскать более или менее уединенное место стало трудно, скорее, невозможно. Завалы частично уже разобрали, на их месте или уже велось строительство, или только разравнивали площадки под него. На тех же, что еще оставались, трудились военнопленные, и влезть туда было сложно. Да и по шапке получить можно было совершенно спокойно. Поэтому назначались сходки во всяких интересных местах, обходясь паролями-явками. Так было еще загадочнее, и всем нравилось.

Ольга ликовала, но, как выяснилось, рано: в обществе помогальщиков зрел раскол – обычное дело даже при самом верном партийном курсе (как учит нас история). Причем иудушкой оказался не кто иной, как Приходько, а беспринципным подпевалой – хитроумный Маслов.

* * *

Супруги Остапчуки как раз возвращались с маменькиных именин с ночевкой. Проходя с платформы насквозь через дачный поселок, усмотрели возмутительный факт: на одной из пустующих дач прыгали и тряслись ветки красивой, усыпанной плодами антоновки.

– Ваня, глянь на этих гаденышей! Средь бела дня безобразничают! – возмутилась жена.

– погоди, сейчас приструним, – пообещал Саныч, подбирая подходящую палку. И, будучи опытным городошником, от души залепил точно по одной из копошащихся на дереве фигур. Злоумышленники с горестным визгом посыпались с веток. Было слышно, как они трещат по кустам, разбегаясь, точно мыши из потревоженного мешка с зерном, стучат каблуками, взбираются на заборы.

И вдруг калитка распахнулась изнутри, и из нее, не торопясь, даже вальяжно, появилась нахальная фигура в куцем пальтишке, картузе и ботинках, просящих каши. Выглядел наглец вполне обычно, если бы не выпирающий причудливыми холмами живот: за пазухой было полным-полно чужих яблок, а он, гад, даже не думал прятаться.

Вразвалочку подойдя к Остапчукам, он скинул картуз:

– Мое почтение, Иван Саныч. Желаете? – И, вытащив из-под рубахи сочное налитое яблочко, протянул сержанту.

Этого Остапчук стерпеть не мог. Уточнив у жены, дойдет ли она одна, и получив заверение, что дойдет, он крепко ухватил воришку за холодное ухо и потащил, не слушая возмущенных воплей, напрямик в отделение.

А там уже было людно: Акимов разговаривал с возмущенной гражданкой Ивановой, в промежутках порывкая на несовершеннолетнего Маслова, который сидел – нога на ногу, руки на груди кренделем и, задрав сопливый нос, хранил гордое молчание. Рядом с ним на скамейке стояла корзина, полная яблок. Антоновка – как разглядел Остапчук.

Гражданка Иванова излагала леденящую душу историю о пропаже новенькой, только что купленной сковороды «чугунной, нашлепка вот тут, на боку, арт-Сталинград, ручка ухватистая с дыркой для подвешивания, распиленная для удобства», которая была оставлена на общей кухне остывать после торжественного ритуала прокаливания.

– Новехонькая, – со слезами в голосе причитала женщина, – третьего дня купила. И без присмотра сковородка была-то – ну, от силы с полчаса, и никого чужого на кухне не было, дочка забегала чаю согреть. Что же такое творится-то, на нищету позарились! Только голову приподняла, граждане, старая-то сковорода еще от мамы моей осталась, с до революции еще!

Акимов, с выражением безнадёги на лице, добросовестно записывал все подряд. Остапчук даже хмыкнул – учишь его, учишь...

– Ты, гражданка Иванова, не переживай, – внушительно заявил Иван Саныч, – найдем твою сковородку, если будет на то счастливая удача. Тут сама видишь, что происходит, – он для наглядности потряс захваченное ухо, – волна преступности...

– Все у вас хиханьки, – проворчала пострадавшая. – Вы найдите сперва такую сковородку, потом зубоскальте. Галина ваша за пропажу такую голову бы вам отъела!

– Ну-ну...

– А, – отмахнулась Иванова, расписалась, где указано, и ушла.

Акимов, разминая затекшую шею, с наслаждением разогнулся. И удивился:

– О, и Приходько тут?

– Сам видишь. Сидеть! – скомандовал Остапчук, и Саныч устроился рядом с Масловым, задрав свой нос рядом с его. – В чужом саду яблоки воровал, да не один.

– Остальные где?

– Разбежались.

– А этот что не убежал?

Саньч осекся, недоуменно поскреб подбородок:

– А точно. Приходько, ты чего не сбежал?

– Больно надо, – не без презрения отозвался тот.

– Ага. – Акимов поднял бровь, глянул на Остапчука. Тот спросил, кивнув на Маслова:

– Этот что?

Сергей пояснил:

– Да вот, выловил на толкучке. Спекулировал, негодяй.

– Яблочками, стало быть? – со значением уточнил Остапчук, помедлил, вздохнул и принялся снимать с пояса ремень. Одновременно он вел с сослуживцем такого рода разговор:

– Я так понимаю, Сергей Павлович, что во всем виновата безотцовщина и полное отсутствие воспитания. Взрослым некогда, кровь проливают, комсомол у станков стоит, вот и разболтались. Не понимает подрастающее поколение повестки дня. А в итоге возникает устойчивая криминальная ячейка, то бишь устойчивая группа – шайка... Так?

– Пожалуй, – осторожно поддакнул Акимов, бросив взгляд на «задержанных», у которых небрежные позы сменились на совершенно иные: ручки, сложенные на груди, переползли под сидалища, нахально сузившиеся глазки вытаращились и полезли на лоб.

Остапчук, вынув ремень, сложил его вдвое и звонко хлопнул полотном о полотно:

– Вот я и думаю: пока руководство в отсутствии, имеет смысл разъяснить ребятам их заблуждения. Как полагаешь?

Акимов неопределенно хмыкнул и плотоядно оскалился, а сержант продолжил:

– Ну-с, кто первый на порку?

– Права не имеете, – пролепетал Приходько, меняясь в лице.

Остапчук посоветовал:

– Ты рот-то закрой, а то я вас заставлю друг друга высечь. Тогда совершенно неловко получится.

– Забавник ты, Иван Саньч, – заметил капитан Сорокин, появляясь, как всегда, неслышно и не вовремя.

Остапчук смутился от неожиданного комплимента, а начальник продолжил:

– Что у нас на обед сегодня?

– Несовершеннолетний Маслов, спекуляция, – доложил Акимов, козырнув.

– Такого же рода Приходько, кража, – добавил Остапчук, вдевая ремень на место.

– Неправда, – негромко и спокойно заявил Санька.

– Что же ты, гаденыш, городишь, – возмутился сержант, – когда я тебя сам за ухо выловил.

Остальные вот сбежали.

Сорокин некоторое время молчал, переводя взгляд с одного пацана на другого, потом, сделав выбор, указал на Приходько:

– Ну-ка, голубь, пойдем со мной. А этого вот, – он указал на Маслова, который снова сидел с безмятежным видом, точно его все это не касается, – поместите пока в холодную, пусть посидит, отдохнет.

Маслов немедленно воспрял:

– Это с чего вдруг?

Сорокин, будто спохватившись, шлепнул себя по лбу:

– Точно! Я-то сперва решил, что тут у нас не просто спекуляция, а организованная преступная группа, так что и вопрос стоит наисерьезнейший. Теперь-то вижу – ни при чем Витька-то!

Он ласково потрепал Маслова по плечу:

– Иди, парень, отдохни, умаялся ведь, после уроков-то. Сергей Палыч, проводи. – И незаметно для Витьки подмигнул. Акимов понимающе кивнул.

Остались в кабинете втроем. Николай Николаевич начал снова:

– Витька-то что? Ему-то ничего, у него всего-навсего корзинка яблок. Ну что, яблоки как яблоки? А вот откуда они взялись – вопрос крайне интересный и статья Уголовного кодекса, прямо сказать, совершенно другая. Поэтому Маслов пусть гуляет, а с тобой мы будем работать. Пройдем.

Он распахнул дверь, вежливо пропустил бледного, но гордого Приходько, имевшего вид пионера-героя, идущего на расстрел, – парень выдвинул подбородок и демонстративно заложил за спину руки.

Остапчук, повздыхав, поставил чайник. Некоторое время спустя появился Акимов, донельзя довольный.

– Неужто отпустил? – спросил недоверчиво Иван Саныч.

– Еще чего, – отозвался Сергей, довольно потирая руки, – держи карман. Посидит пусть, подумает над своим поведением. Грамотные стали... «Не имеете права, пожалуюсь прокурору!», ты смотри!

– Все-таки надо бы выпороть, – кровожадно заметил Иван Саныч.

– Согласен.

Некоторое время посидели молча, потом Остапчук, в ожидании чайника, взял протокол Ивановой и кисло осведомился:

– Что, очередная сковородка?

– Она, болезная.

– Которая по счету?

– У нас по району – ерунда – третья. Сверху, видишь ли, понапускали целый список, и все, как назло, сковороды. Как будто своих у нас нет. Ну как ее искать-то? Их небось и нет уже. Да, ну вот сегодня как раз полдня по толкучкам ходил, торговков дергал – молчат, насадки старые. Зато вон Маслова за жабры выловил, сучка мелкого.

Иван Саныч пробежал глазами – смех, а не ориентировка. Сковорода старинная, «товарищество Кольчугина», цельная, особые приметы: хорошо обожженная, дно гладкое, борт – шесть сантиметров, сама тридцать два в диаметре... сковорода новая, без особых примет, чугунок... сковорода блинная, «хорошая»... Ну, не добавить ли «любимая»?

И вот по поводу всех этих кольчугинских, обожженных и хороших, надлежало ехать сначала на один толкучий рынок, потом на второй, спрашивать перекупщиков, цыган вылавливать, а дело-то это не простое. А потом, даже если и найдется эта сковорода, опознают ли любимицу честные хозяйшкИ? То-то и оно... а какая-нибудь хабалистая, наподобие тетки Приходько, может опознать в соседкиной свою и устроить третью мировую.

– И из-за чего, главное? – посетовал Сергей. – Сковородка, подумаешь...

– Не скажи, – возразил Саныч, – мясо-рыбу пожарить только в чугуне. Да и яишенку... И потом, сковородка – товар козырный, не успеешь выставить – с руками оторвут, а опознать трудно. Золотые вещички.

Он вдруг хмыкнул:

– Да. У меня на приисках... до войны еще служил... интересный случай вышел. На отлет соби́рался один такой, хозяйственный, любитель сковородок – аж пять штук набрал.

Акимов удивился:

– Откуда? Там чугунные прииски, что ли?

– А ты погоди, – степенно призвал Остапчук, – ты слушай дальше. Снег эдакий падает, тихо-претихо, и идет он, стало быть, эдаким фертом на посадку, взвешивается – все чин-чинарем. А меня что-то гложет: ишь, думаю, запасливый. Постойте, дорогой гражданин, позвольте глянуть? Ну и глянул.

– Ну и? – подбодрил Сергей.

– Вот и ну, – Иван Саныч насыпал заварки в стаканы, – золото оказалось.

– Ничего себе, – пробормотал Сергей, прикинув вес.

– Ага. Тут как получается: чугун-то и золото при равном объеме имеют почти одинаковый вес. Вот они и наострились: отливали золотую такую сковородку, зачернили под чугун – и вперед.

– Ловко.

– Ты представь: на приисках работают под дулами, все просматривается, охрана вооруженная – и на тебе, все равно умудрялись. Сколько уж они наворовали и вывезли до, сколько после – уж не ведаю. Финская началась, я и вернулся на материк. Это я к чему...

Эпическое повествование сержанта прервал тихий стук в дверь. Вошла, конфузясь, пожилая дама:

– Простите, к кому мне... написать?

– Что случилось? – обреченно спросил Остапчук.

– Постельное белье пропало, товарищ...

Акимов, вздохнув, достал чистый лист, взял перо...

«...с просушки во дворе дома номер... пододеяльник любимый, штопанный в трех местах, заплатка из другого материала... льняная простыня белая, две наволочки, наперник на подушку пуховую... причиненный ущерб считаю для себя значительным...»

– Хорошо, подушку догадалась не сушить на улице, – вздыхала гражданка, смахивая слезу, – и, главное, никого во дворе-то не было, девчонки в горелки играли, и они никого постороннего не видели.

– Алевтина... Феликсовна, опознать в случае чего сумеете?

– Ну как же, конечно. У меня все белье помечено: «А» и «Ф», вышитые белой ниткой. Испанской гладью, шелком, – особо подчеркнула потерпевшая. – Я, конечно, понимаю, у вас серьезные дела, но у меня-то нет теперь ничего.

Увидев, что на выцветшие глаза наворачиваются слезы, Акимов поспешил заверить, что приложат все усилия, будут искать, но вы же понимаете...

– Понимаю, – грустно кивнула старушка, попрощалась и вышла.

– Ох-ох-хо... Иван Саныч, так ты к чему про сковородки-то начал?

– А? А, сковородки... да это я так. К тому, что иной раз смотришь – мелочь, а на поверку – полный ахтунг.

В кабинет вошел Сорокин, непривычно грустный.

– Вот не было печали, так подай. Сергей Палыч, выпустишь этого Маслова, а потом наведайся в школу, пошепчись с директором.

– Само собой, – кивнул Акимов, – в первый раз, что ли. Маслов и раньше приторговывал, а Приходько, ну что, Приходько...

– Нет, ты погоди. Не все еще. – Капитан потер лицо, собираясь с мыслями. – У нас, товарищи, дела почище. У этого Приходько, изволите видеть, не банда, что по чужим садам шарит. У них, поди ж ты, отряд подразверстки. И занимаются они не воровством, а справедливым перераспределением.

– Вот это да, – протянул Акимов, – экспроприаторы?

– Я же сказал: пороть! – заметил Иван Саныч.

– В общем, нехорошая ситуация в мозгах у нашей смены. По этой половине черт знает куда дойти можно. Помнится, в соседнем районе один такой сопляк идейный карательный отряд сколотил, спекулянтов бить. Ну и забили троих, насмерть. Его счастье, высшую отметили, а то прислониться бы им всем, несмотря на лета... Да, в общем, Акимов, ты у нас человек красноречивый, деликатный, донеси до директора. Если прилюдно им выволочку не устроить, они бог весть что натворить могут, самолюбивые сопляки. Тихонько там поговори с Большаковым, с Гладковой. Она там теперь главком?

– Пионервожатая.

– Вот при Михайловне такой беды не было, – проворчал Сорокин, – задай вопрос-другой, куда она их ведет?

Акимов пообещал: завтра с утра и отправится. Но получилось по-другому.

– Николай Николаич, что с яблоками-то делать? – спросил хозяйственный Остапчук.

– Чего-чего. Разберем да съедим, не обратно же развешивать.

* * *

Перед самым первым сентября с обмундированием у Кольки вскрылся казус: ботинки оказались на размер меньше, гимнастерка – на два. А уж галифе и вовсе с трудом налезали. И это под самое начало учебного года.

Под вечер тридцатого августа Колька пошел разбираться. Завхоз, который требовал, чтобы его величали каптенармусом (на худой конец – каптером), держался равнодушно и утверждал, что Пожарский сам виноват. Жрать и расти надо меньше. Колька, с трудом подавив фонтан нецензурщины – а она уже подступала к глотке, – не стал спорить. Вежливо поинтересовался, что ему теперь делать.

– Не знаю, – на голубом глазу наврал завхоз и попытался захлопнуть дверь в свое царство. Колька был начеку – вовремя подставил ногу. Хорошо, что старые ботинки носил аккуратно, и ни один палец не пострадал: от души хлопнул, старый кулак.

– Так я пойду директора спрошу? – хлопая глазами, уточнил Николай. (Страшная тайна, что директор уже грозил жадобе-завхозу увольнением по статье, а то и судом, была известна всем.)

Завхоз захлопнул открытый было рот и пару раз клацнул челюстями, после чего уже без звука нацарапал на бумажке адрес и сунул Кольке накладную:

– На, ехай, сам разбирайся. Некогда мне с тобой тут.

– Вот и ладненько, – мирно отозвался Колька, бережно убирая ценную записку в карман гимнастерки. – Завтра же и отправлюсь.

Осень в этом году выдалась ранняя, в одночасье сменившая жаркое лето. Вчера еще можно было отмокать в теплом озере, а сегодня с утра налетел лютый ветер прямо с Северного полюса, полил ледяной дождь, листва скукожилась и стала облетать – в общем, за неделю, как в сказке, зима сменила лето, и стало совершенно очевидно, что шинелька за прошлую зиму давит в плечах, а в ботинки влезаешь с трудом.

Тут как раз и вскрылось, что Колька растет не по нормативам и что перерос он не только эти ботинки, но и те, что положены ему на следующий год, и даже батины загонные кирзачи. Пришлось влезать в старую казенную обувь, кряхтя и поджимая пальцы.

– Тесные, – пожаловался он, но отец лишь руками развел:

– Что ж мне тебе, лапти сплести или носки обрезать? Все равно придется полдня вот так походить. Получишь со склада – тотчас переобуешься, не получишь – стоняй на толчок, возьми подержанные.

И вручил сыну деньги. Колька немедля возмутился:

– Пап, ты что? Положено – значит, положено, буду выбивать.

Батя одобрил:

– Вот и молодец, верно рассудил. Нечего в углу несправедливость оплакивать. И все-таки возьми, мало ли что.

Оговорив с вечера увольнительную у мастера, Колька потопал к электричке пять пятьдесят. Настроение было превосходное, можно сказать, боевое. Учиться, конечно, интересно, но все-таки иной раз хочется эдаким макарон пройти мимо знакомой двери и махнуть на утренней электричке справлять приятное дело.

В отличие от Кольки, у окружающих настрой был не ахти. На платформе по утреннему времени преобладал рабочий люд – мрачноватый, а то и угрюмый, иные попахивающие вчерашним, в робах и спецовках. Поэтому-то, как припоминал впоследствии Колька, ему и бросилась в глаза эта женщина – в возрасте, но одетая хорошо, местами даже ярко. Поневоле заметишь.

Прежде всего – то ли плащ, то ли дождевик удивительного желтого, как лимон, цвета, аж скулы свело. Перчатки не нитяные, а лайковые, на высокой модной прическе – не косынка, не платок, тюрбаном свернутый, а крошечная темная шляпка. Шарф переливчатый на шее. На сгибе локтя – красивая сумка-ридикюль с золотой застежкой – две рыбки.

Но самое главное было у нее на ногах. Во-первых, они были обтянуты каким-то брусничным нейлоном, так что напоминали оковалки ветчины (Колька плотоядно сглотнул). Во-вторых, обувь у нее была просто невиданная: высокие сапожки на шнуровке, то ли черные, то ли красные, да еще и каблуки удивительные, полупрозрачные.

«Она бы рыбок еще внутрь напустила, для пушного форсу», – подумал Колька с неприязнью.

Как-то не нравились ему хорошо одетые люди. Причем и лицо-то у тетки этой было совершенно не поганое, нет, лицо приятное, доброе, как у хорошей учительницы. Возможно, ощущая, как потихоньку затекают пальцы в старых ботинках, он с недостойной завистью думал о том, что любая нормальная гражданка в музей бы такое чудо сдала. Или надевала раз в год, на маевку.

«А эта фифа каблуки бьет по щебню! Ишь, барыня...»

Он отвернулся, мысли немедленно приобрели более мирное течение – в конце концов, какая разница, ему-то что за дело? Скоро и у него самого будут великолепные ботинки – хоть на танцы иди.

Колька невольно хмыкнул: из него плясун, как из медведя гималайского. Несколько раз за лето Оля, словив сопротивление, умудрилась-таки затаскать его на новую площадку, но подобное ногобитие было не в Колькином вкусе, да и глупо это как-то.

– Оля, ну пустая трата энергии, – втолковывал он, – если силы остаются после рабочего дня на дерготню, то, стало быть, плохо работал.

Сказал – и сам крепко пожалел. Оля не на шутку оскорбилась:

– Ты что же, Пожарский, считаешь, что я мало вкалываю? Влез бы ты в мою кожу...

И пошло-поехало.

Пришлось, изображая кротость, молчать и кивать. Причем в глубине души Колька отдавал должное тому, что зря он так. Лично он бы ни за какие шиши не поменялся бы с нею местами.

Тут ведь как дело было?

К сентябрю в тайном движении помогальщиков наметился окончательный кризис, и никакие ссылки на то, что любое общество – это как организм, развивается и периодически хандрит, Ольгу не утешали.

А ведь как хорошо все лето занимались добрыми делами: ходили тайными патрулями, чинили лавочки, дрова в дровницы складывали, бочки водой наполняли, коз искали – все по писаному! Пололи бабкам огороды и палисадники, поправляли оградки, цветы высаживали, где можно, помогали старым людям кошелки доносить... да, с этим что-то не очень получалось. Дошло до того, что Маслову чуть не надавали, когда он попытался у старушечки сумку стащить. Краской наводили звездочки на воротах фронтовиков и семей погибших. А чокнутая бабка Осиповна, пережившая оккупацию, ходила за «художниками» по пятам, старательно соскребала метки ножом, ругалась при этом, как сапожник: свои и так знают, кто где живет, а чужим незачем! А ну как диверсия какая – сюда же первым и попадет!

В общем, население демонстрировало полную несознательность и отсутствие понимания. И не без оснований, как выяснилось, ведь тот же Приходько, подлец, жульничал: со своим «патрулем» подламывал ночью чей-нибудь забор, а в светлое время суток благородно его чинил.

«Да уж, с этими негодяями ухо надо остро держать, – размышлял Колька, пиная камушки по платформе. – Мелкие – они такие: бдительность должна быть, руководство, а то и по шее вовремя навесить. А то любая вражина такого в мозги надует...»

Он поежился, отгоняя собственные, личные привидения – черепов и миханов, – и в этот момент заметил, случайно глянув, что у расфуфыренной «барыни» появилась компания.

* * *

Небольшая гражданка в военной форме. И, поскольку стояли они неподалеку, Колька сумел разглядеть у той на погонах змею, заглядывающую в чашку на ножке.

«Военврач. Ишь ты...»

При всей Колькиной моральной устойчивости и при том, что Ольга – бесспорная и абсолютная красавица, никак не мог он пойти против совести. Эту вот – ну, просто в кино снимай. К тому же в форме. Не особо дорогая, видно, что ношенная, но сидит, как влитая (и до ужаса ей идет) – в узенькой талии стянута широким ремнем, юбка плотно облегает стройные бедра, хромовые сапожки... Да и сама она – что ты! – ладная, гибкая, как стальная проволока; черные кудри, берет на бровь, глазища – смола огненная, кипящая, губы вишневые, как конфета барбарис, подбородок хорошенький, вперед. Одно слово – комиссарша. Даже на расстоянии так и веяло от нее властью и уверенностью, и неудивительно, что «барыня», внимательно слушая, серьезно и значительно кивала, не возражая ни слова.

А уж когда «военврач» извлекла какую-то бумагу, принялась что-то втолковывать собеседнице, явно заботясь о том, чтобы никто другой написанного не видел, «барыня» всей своей толстенькой фигуркой чуть не вытянулась во фрунт и не взяла под козырек.

В утреннем тумане подал голос долгожданный состав. Но, к немалому Колькиному изумлению, «барыня», которая явно собиралась ехать именно на этой электричке (иначе к чему в такую рань тащиться на станцию), решительно отправилась за спутницей к спуску с платформы.

«Что-то случилось? Передумала? – мимоходом удивился Колька, прикидывая, где после остановки окажутся двери. – Стоило топтать каблучки... Ну и пес с ней. Ах ты!»

Он едва не выругался, поскольку один из пассажиров, тоже резко передумавший, ринулся от края платформы и – прямо ему по ногам. Колька еле успел спасти свои многострадальные скрюченные пальцы, и то лишь потому, что этого субъекта приметил давно. И тоже разглядывал с немалым интересом.

Так-то, на первый взгляд, типчик прямо с плаката – гимнастерка, тужурка, значок ГТО и вроде бы парашютик. Простецкая, открытая физиономия, скуластый, нос уточкой, глаза раскосые, белые волосы, укатанные в «политический» зачес. Вот разве что кожа какая-то блеклая, что ли. Сапожки начищенные, стрелочки на аккуратно заправленных брюках. Стопроцентный, без примеси комсомолец. Как пить дать, отличник-заочник, заводила-общественник и наверняка ударник производства. Потому что на правой руке у него не было указательного пальца, а оставшиеся самые пролетарские – сильные, длинные и при этом на концах тонкие, как у пианиста. Колька сразу подумал, что этот товарищ на производстве может и без ключа обойтись, ему небось гайку отвернуть – раз плюнуть.

Все это время, ожидая поезда, «комсомолец», присев на корточки, подкармливал голубей, выуживая крошки из кармана. Потом, закончив, вдруг так мастерски пустил цевку сквозь зубы, что Колька удивился.

В это время причалил поезд, распахнулись двери, все ринулись внутрь. Кольку подхватило и понесло, и все-таки он успел заметить, как «комсомолец» поспешает с опустевшей платформы. Туда же, куда проследовали «военврач» и «барыня».

До склада Колька добрался без приключений, там без вопросов выдали ему полный комплект одежды и новехонькие крепкие ботинки, в которые он тотчас же с наслаждением и переобулся. Кладовщик без особого интереса уточнил:

– Старые будешь сдавать или как?

– А что, надо?

– Как хочешь.

Колька с сомнением осмотрел обувь: ну да, носы стертые, каблуки сбитые, но вполне еще продержатся. «Как раз Саньке подойдут», – решил он и сказал, что не будет.

Гулять по центру со скарбом и ботинками было не с руки, поэтому Колька отправился в обратный путь сразу. Без приключений добравшись до своей станции, он бодро зашагал по леску в сторону дома, миновал поворот на дачный поселок и внезапно оказался в куче народу. Мелькали белые халаты, кишели погоны, петлицы, несколько знакомых лиц. Вот и Акимов, непривычно мрачный, пошутил, пожимая руку:

– Николай, без тебя никак. Откуда чешешь?

– За обмундированием ездил, – пояснил он, – что тут случилось?

Культурный Палыч свирепо сплюнул, не хуже «комсомольца» на платформе:

– Падла какая-то. Мародеры.

На носилки укладывали вялое, оплывшее тело, в глаза Кольке бросилась пухлая босая пятка, обтянутая знакомым, как бы ветчинным чулком, аккуратно заштопанным в одном месте. Парень, сглотнув, отвернулся. Акимов резко затянулся папиросой, сплюнул снова:

– Фельдшер говорит: сердечный приступ. А какая-то тварь мимо прошла, ну и... обо-брали, сволочи. Как куклу. Все вытряхнули, вплоть до печенья. Крошки кругом.

– Кто это, Сергей Палыч?

– Наша, местная, опознали уже. К дочке в центр ехала, с внучкой повидаться, ей же и гостинцев везла. Так, ну нечего тут, иди... хотя постой.

Акимов, быстро оглядевшись, отвел Кольку в сторону, заговорил, понизив голос:

– Слушай... Я ничего, но Тамаре передай, пусть пироги свои и прочие бутерброды с прилавка уберет. Возможно, что ревизия.

– С чего вдруг? – удивился Колька.

– По городу и области трясут общепит, на предмет неучтенки, излишков... – Увидев, что грядут возражения, Акимов поднял палец: – Отставить, времени нет. Я сказал – ты слышал, теперь шагай.

Колька беспрекословно повиновался.

Лишь отойдя на некоторое расстояние, он спохватился: не вернуться ли, не рассказать ли про тех, кого видел с утра на платформе? Но засомневался. Мало ли, обознался, мало ли, кто чулки такие носит. Они, может, много у кого есть. Что он, разбирается? Ну, поговорили женщины, ну и что?

И все-таки на душе было препогано, хорошего настроя как не бывало. Что за жизнь такая несуразная, за один и тот же день столько событий, и никакого равновесия!

Он шел, пиная опавшие листья, постепенно сползая мыслями на другое: «Делать им нечего, нашли кого трясти. Тамару-то! Сама вобла сушеная, соплей перешибешь, вкалывает, рук не покладая...»

Недоумение было святым и объяснимым: заведующая столовой, Царица Тамара, сама ничего не ела, на работе дневала и ночевала, в условиях жесткого недостатка выделяемых фондов умудрялась откармливать подопечных как на убой. Своими руками лепила пироги из ничего – горсть муки, полстакана масла и все, что под ногами растет, вплоть до крапивы со

двора. И продавала это за копейки, на которые, в свой черед, доставала масло – вместо маргарина, сало – вместо лярда, сахар – вместо сахара, не просто кости, а с мясом, и прочее. Была же при этом тоща до предела, чуть не просвечивала, носила одно и то же ветхое темное платье, одни и те же худые ботинки зимой и летом и напоминала, скорее, не деятеля общепита, а монашку. К тому же одна-одинешенька.

Она и – кража пищевых продуктов? Зачем? Дичь какая. Хотя предупредить, конечно, надо...

Тут из-за угла вынесло на него Приходьков, Саньку со Светкой, и Колька воспрянул духом, без церемоний усадил старшего на лавочку и, морщась от его портянок, заставил примерить ботинки.

– Ух ты! – восхитилась Светка, всплеснув руками. – Какой красотец!

– Как раз, – буркнул Санька, притоптывая, – еще и под толстый носок останется. Ну это, спасибо.

И протянул Кольке яблоко, в которое тот немедленно впился зубами. Проголодался за день.

– Носи на здоровье.

* * *

– Найденова Мария Васильевна, одна тысяча восемьсот девяносто пятый год рождения, вдова, член партии, проживала по адресу: улица Первого Мая, дом пять, квартира два, заведующая складом, не судима, не состояла и тэ-дэ и тэ-пэ...

Сорокин постучал карандашом, подгоняя:

– Понял-понял. Что в медзаключении?

– Остановка сердца.

– Остановка сердца – всегда единственная причина смерти! Конкретно?

– Рефлекторная остановка сердца. Патологоанатомический диагноз: закрытая тупая травма грудной клетки.

– Не понял. Дай.

Акимов протянул бумагу. Сорокин нацепил очки с одним стеклом, принялся вчитаться, разбирая медицинские каракули, и вскоре брови его поползли вверх:

– Ушиб сердца с последующим травматическим инфарктом... закрытая тупая травма, ушиб сердца, разрыв миокарда и эндокарда?! Так что, значит, признаки насилия имеются?

– В том-то и дело, что нет. – Акимов достал другую справку. – Вот выписка из истории болезни: неделю назад Найденова получила удар бортом грузовой автомашины, контролируя разгрузку.

– Снова не понял. Сбили ее, что ли?

– Нет, не сбили, – терпеливо возразил Сергей, – по собственной глупости попала в слепую зону и была прижата бортом к стене.

– Что ж она не в больнице? – продолжал придирается капитан Сорокин.

– Так она и была доставлена, – пояснил Акимов, показывая выписку, – но поскольку сознания не теряла, состояние легкой тяжести, жалоб нет, не обнаружено ни изменений внутренних органов, ни повреждения костей, то выписана под наблюдение по месту жительства.

– Надо бы наведаться к этим писателям, – проворчал Сорокин. – Это чего, с разрывом сердца женщина не первой молодости семь суток жила?

– Выходит, так, – пожал плечами Акимов.

– Ох-хо-хо. Есть женщины в русских селеньях... были то есть. Ну, а по пропажам что?

– Соседи показали, что Найденова отправилась на станцию с утра, к поезду на пять пятьдесят, была одета в желтый плащ-дождевик, шляпа коричневая, темно-красные сапоги, при себе имела сумку-ридикюль, тоже красный, с золотой застежкой... ну, там расписано.

– И ничего этого при ней нет?
– Нет, только то, что на ней. Платье из темной плотной ткани, чулки...
– Хватит разводить галантерею, – оборвал начальник. – Деньги, документы?
– Дочь утверждает, что мама должна была привезти ей деньги на покупку подержанной швейной машины.
– Сколько?
– Двести рублей.
– Нашли?
– Нет, кошелек пустой. Также нет колец, цепочки, сережек. Дочь говорила...
– Понятно. Собака что?
– Взяла след, прошла до платформы, там след пропал.
– И, натурально, никто ничего не видел, не слышал и так далее?
– Николай Николаевич, так ведь...
– Не глупее тебя, – оборвал начальник, было видно, что он в целом жизнью весьма недоволен. – Вот что. Подробно расспроси соседей, еще раз допроси дочь, составь описание всего, что на Найденовой было и что было при ней, и наведаетесь на барахолку, может, всплывет что. Связи, связи отработайте. Не было ли конфликтов, угроз? Она завскладом? Может, уволила кого? И как давно инвентаризацию проводили...

Сергей послушно кивал. И молчал. У соседей он уже побывал – безрезультатно. О покойной не то что плохого – нехорошего слова не услышал. Спокойный, добрый, совершенно безобидный человек, с ней и поругаться-то было невозможно, как заявила одна востроносая с общей кухни. И дочка подтвердила: ни разу не слыхала, чтобы мамка кого-то хаяла, и в плохом настроении никогда не пребывала. Живы-сыты, что еще надо? Любила красивые вещи, но без сумасшедшинки, женщина все-таки. По всем статьям золотой человек, как на ладони, и подозревать у нее какие-то тайные жизни было глупо – вся как на виду.

Бывалый Остапчук, в хозяйственных делах собаку съевший, уже прошерстил склад: инвентаризация закончилась менее месяца назад, и сошлось все, копейка в копейку. И складских Саныч проверил – все в возрасте, положительные, работают по пять и более лет, без нареканий, души – алмаз. Водитель, что был за рулем злосчастной машины, – сотрудник с центральной базы, инвалид войны, за двадцать лет ни одного прокола, с Найденовой не знакомый. После инцидента сам свалился с инфарктом. Все запротоколировано кристально ясно, и налицо грубая неосторожность потерпевшей, равно как и трагическая случайность. Медики разводили руками: да, выписана для наблюдения лечащим врачом по месту жительства. Вот, извольте видеть: заключения, результаты осмотра. Какой смысл держать в больнице без жалоб и повреждений? А сердце, что сердце? Не девочка уже, беречься надо было.

Все это и многое другое Акимов мог бы доложить прямо сейчас, перед злым, хуже того, расстроенным начальником, но молчал. Потому что, как ни крути, все эти факты – безусловно, значимые – никак не объясняют, какая падла обобрала мертвую.

Вспомнив, что так и не дошел до школы, поспешил на выход.

«Нет, ну что за... снова на стенах гадят», – он сорвал в сердцах с двери отделения приклеенную бумагу – чистый листок, вырванный из школьной тетради в клеточку, с проставленной на всю поверхность «галкой».

* * *

Далее пошла цепная реакция. Выслушав Акимова, директор Петр Николаевич помрачнел, как туча, но поблагодарил вежливо за сигнал. Проводив лейтенанта и пожав ему руку, самолично прошел по коридору и прямо с урока вызвал пионервожатую Гладкову.

Беседа их была за плотно закрытыми дверями и заняла не более четверти часа. Из кабинета Ольга выползла по стеночке, еле держась на ногах. Мутными глазами таращилась в пустоту, на вопросы не отвечала, вообще, производила впечатление помешавшейся.

А учебный день все тянулся – липкий, бесконечный. Наконец каким-то чудом уроки закончились, и Колька, увидев любимую девушку, чуть сам не дал дуба. Довел ее домой, уложил на софу, с великим трудом, с привлечением валерьянки и стопки платков, сумел-таки выяснить, почему она выглядит как дохлая утка. Потом, вежливо попрощавшись, поспешил к себе домой. Ощущал при этом нестерпимый зуд в ладонях, поскольку по холодному времени засучивать рукава на улице неудобно.

Оно, может, и непедagogично, но ничего не поделаешь.

Саньки Приходько дома не оказалось.

– Где он? – спросил он у Светки.

Та, с опаской глядя, как сжимаются и разжимаются Колькины кулаки, сначала попыталась запереться в геройском молчании, но быстро сдалась и пискнула:

– В библиотеке.

– Где?!

– В библиотеке, – пискнула Светка и спаслась в уборной.

Колька глянул на часы: семь вечера. Удивленный, но не успокоившийся, поспешил к школе. Дежурная по библиотеке Надька Белоусова была еще на месте. Нещадно зевая, сонно тараща глаза, она с недовольством поглядывала на Саньку Приходько. А тот, как ни в чем не бывало, запоем читал какую-то толстую книжечку, запустив в вихры костлявые пальцы.

Бить морды в библиотеке воспитание не позволяло, и Колька спросил Надю:

– «Всадника без головы» изучает?

– Нет, – буркнула она.

– Буссенара?

– Нет.

– А что же?

– «Капитал» Маркса. Перечитывает.

Колька аж задохнулся:

– Перечитывает? Он что, его уже читал?!

– Да.

– Вот это номер! И давно он так... погрузился?

– А сам не видишь? Врос, как баобаб.

– Толстая. Что ты ему книжку с собой не отдашь?

Она вздернула нос, звякнув веснушками:

– Вот еще. Потеряет, измажет, а мне ответ держи. Нет уж, пусть кто другой под свою ответственность... Приходько!

– У? – ухнул филином неузнаваемый Санька.

– Домой. Закрываю лавочку.

Санька поднял глаза, затуманенные Большой Идеей и одновременно горящие:

– Чего?

– Того! Домой – мухой, закрываю! И без возражений. Если прямо очень надо, завтра приходи, дочитаешь.

– Надо. Но тут много, – поведал Санька, явно размышляя о чем-то своем.

Колька приметил, что в самом деле, за все время Санька осилил страниц с полсотни, не больше. Санька жюль-вернов и дюма глотал за раз, читал быстро, выхватывая суть и опуская никчемные словесные извержения. Однажды Надя, заподозрив, что ничего-то Приходько не прочитал – так, взял, подержал и обратно принес, – заставила его пересказать главу об

устройстве «Наутилуса». И ужаснулась: Санька действительно прочитал, запомнил и пересказал близко к тексту.

А тут было что-то не так. Видно, что не поперек страниц читал Санька, а впитывал каждое слово, а то и буковку, не желая пропустить ни одной мысли. Прочитанное падало на благодатную почву, находило живой отклик и прорастало в нем, проникало в самую душу. Во всяком случае, Санька был поглощен чтением – над книгой торчала лишь лохматая макушка.

Колька, поколебавшись, похлопал соседа по плечу:

– Эй, читатель! Книжку на полку и пошли, поговорить надо. Тетка Анька там небось уже сиреной воет.

И снова Санька, псих известный, против обыкновения не стал ни орать, ни огрызаться, а ответил спокойно и рассудительно:

– Нет у нее причин. Уроки сделал, дров наколот, картошки начистил. Имею право в свободное время самообразовываться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.